
К.П. Костомарова, А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

ЛЕТОПИСНАЯ ЯТРОВЬ

В статье исследуются семантика и функционирование утраченного в современном русском языке слова «ятровь», обозначавшего некую некровную родственницу. Авторы сосредотачиваются на специфике употребления термина в нарративе древнейших русских летописей, выявляя его отличия от значений, фиксируемых в словарях. Особое внимание уделяется роли «ятрови» в системе обозначений свойственных отношений, её семантической связи со словом «брат» и андроцентричной перспективе династического родства. В статье реконструируется династический портрет женщин, именуемых «ятровьями», с акцентом на их положение в политических и семейных конфликтах княжеских родов. Авторы показывают, что в летописях термин «ятровь» преимущественно употребляется в отношении княгинь, связанных узами брака с представителями правящих родов. Терминологические особенности отражают гендерные и социальные аспекты родства: точкой «взгляда» в обозначении родства неизменно выступает мужчина. Исследование выявляет, что термин «ятровь» в летописной традиции применим исключительно к женам кровных родственников (до троюродных включительно), но не охватывает жен шурьев или других свойственников. Кроме того, анализируется место термина «ятровь» в общей системе летописных обозначений свойства, демонстрируется, в частности, минимальная политизация всех терминов свойства, относящихся к женщинам, и отсутствие тотальной практики их конвертации в терминологию кровного родства. Во второй части статьи обсуждаются точки актуализации терминов свойства в летописном нарративе на примере использования слова «ятровь» в описании династических конфликтов, степень зависимости появления этого термина от представленных в тексте политических обстоятельств. Анализируются, в частности, особый статус вдовы в княжеской иерархии и в историческом нарративе, непосредственная связь употребления соответствующих терминов с утратой мужа или нарушением норм родственно-свойственных отношений. Выводы исследования проливают свет на специфику терминологии родства и свойства в древнейших русских летописях и роль лексемы «ятровь» в структуре династического повествования.

Ключевые слова: ятровь, жена брата, династический конфликт, термины родства, свойственники, андроцентризм, древнерусские летописи, семантика родства, Рюриковичи

В этой работе мы хотели бы обсудить, зачем появляются и как функционируют в летописи слова, обыкновенно именуемые терминами свойства, на примере яркой и давно утраченной в русском языке лексики *ятровь*.

Перед нами, в сущности, будут стоять три задачи. Одна – в большей степени лексикографическая: предполагается продемонстрировать, что общесловарное, некое «усредненное» значение слова и его контекстно обусловленная семантика в рамках автохтонного и столь значительного по объему и столь специфичного по прагматике памятника, как летопись, могут довольно существенно различаться. Попросту говоря, нередко возникает такая ситуация, что, сталкиваясь с конкретным употреблением слова в летописи (и в особенности – с употреблением термина родства или свойства), не следует ограничиваться справкой, что оно значит по словарям, но стоит руководствоваться тем, какие значения оно может и не может принимать в собственно летописном узусе.

Вторая задача нашей работы отчасти решается параллельно с первой, но требует и некоторого самостоятельного обсуждения – мы попытаемся продемонстрировать, какую роль играет слово *ятровь* в общей системе летописных обозначений некровного родства, какие общие характеристики этой системы оно позволяет выявить и о каких особенностях построения летописного нарратива эти характеристики свидетельствуют. И, наконец, в-третьих, мы попробуем набросать династический портрет той женщины, которая именуется в летописи *ятровью*, и показать о каких политических коллизиях и конфликтах может сигнализировать появление этой лексики в летописном повествовании.

Некоторые особенности словарного описания лексики «ятровь»

Начнем, однако, с репрезентации нашей *ятрови* в материалах словарей. Его этимология не ясна – М. Фасмер определяет *ятровь* как ‘свояченица, жена брата мужа’ и возводит эту форму к прасл. **jętry* (Фасмер 1987. Т. 4. С. 569), отмечая его родство с соответствующими словами других индоевропейских языков, однако самая этимология индоевропейского термина **ienHter-* остается загадкой (ESJS. Т. 2. С. 292–293; Трубачев 2008. С. 186–188)¹.

Толкования интересующего нас термина на славянской почве отличаются некоторой пестротой и размытостью, с одной стороны, достаточно обычной (если не сказать стандартной) для терминологии свойства, а, с

¹ Как писал О.Н. Трубачев, «имеющиеся этимологические исследования этого слова вообще не предлагают, даже в форме гипотезы, какое-нибудь этимологическое решение вопроса о происхождении слова, идущее дальше сопоставления родственных форм и определения общей исходной формы...» (Трубачев 2008. С. 188).

другой, – обладающей собственной спецификой. В самом деле, значения этого слова действительно могут разниться в зависимости от того, о каком славянском языке/диалекте идет речь и какой период его существования принимается к рассмотрению, но немалую роль во всяческих несовпадениях играет и метаязык – язык описания, которым пользуются те или иные авторы словарной статьи. Применительно же к слову *ятровь* многое в толковании, вдобавок, основывается на реконструкции, так как в активном узусе (во всяком случае, у носителей литературного языка) слово, восходящее к праславянскому **jetry*, по-видимому, отсутствует.

В ранних русскоязычных лексикографических источниках – азбучниках и разговорниках – слово *ятровь* не встречается вовсе. По всей видимости, здесь словари начинают фиксировать этот термин лишь тогда, когда он выходит из обихода; можно сказать, что история жизни этого слова в словарях начинается в ту пору, когда заканчивается его активная жизнь в языке. В словарях, составленных и изданных в XVIII–XIX вв., *ятровь* толкуется достаточно разнообразно. Так, у Даля мы находим целую серию определений, снабженную пометой «старое, церковное»: «жена деверя, зовут ее и невесткой, также жена шурина; жена брата (деверю и золовке); жены братьев между собою; *ятровья*, стар. свояченица» (Даль 1866. Ч. 4. С. 625). Матримониальное толкование слова *ятровь*, как мы видели, может расширяться или замещаться указанием другого термина свойства – ср., кроме уже упомянутого ‘сваяченица’, ‘невестка, деверняя жена’ (САР 6. С. 1059); ‘сваяченица, сноха, невѣстка’ (Настольный словарь 3. С. 1168); ‘жена деверя’ (СРС 1870. С. 222)².

Похожую картину демонстрирует интерпретация слов, восходящих к этому корню, в других славянских языках: – болгарское *етърва* – «сѣпругата на един брат по отношение на сѣпругата на друг брат» <жена одного брата по отношению к жене другого брата> (РБЕ s.v. *етърва*); украинское *ятрівка* – «дружина чоловікового брата» <жена брата мужа> (СУМ s.v. *ятрівка*); белорусское *ятроўка* – «жонка аднаго брата ў адносінах да жонкі другога брата» <жена одного брата по отношению к жене другого брата> (ТСБМ s.v. *ятроўка*); сербское и хорватское *jetrva* – «жена мужа брата; снаха» <жена брата мужа; сноха> (RSKJ. S. 602); словенское *jetrva* – «žena moževega brata; svakinja» <жена брата мужа; золовка; свояченица> (SSKJ); польское *jatrew* – «żona brata męża; bratowa» <жена брата мужа; невестка> (SJP)³. Очевидно, что коль скоро в самом словарном толковании слова *ятровь* используются другие термины свойства, будь

² Сербско-русский словарь интересует нас как источник не своей двуязычностью, а самим толкованием, и включается нами в круг примеров, поскольку при редкой фиксации слова *ятровь* в лексикографических источниках каждый подобный случай представляется нам значимым.

³ Ср. также примеры из словарей в работе О.Н. Трубочева (2008. С. 186–187), где в несколько большей мере приводится славянский диалектный и исторический материал.

то золовка, свояченица, невестка, жена деверя или жена шурина, мы неизбежно сталкиваемся с несовпадением толкований самих этих терминов в разных словарных источниках, а взаимоналожение значений терминов сделает толкование занимающего нас слова еще более размытым.

Так или иначе, за всем разнообразием этих интерпретаций прослеживаются комбинации определенных компонентов смысла: 'жена' + обозначение того или иного члена семьи, более того, как правило, речь идет о членах семьи, принадлежащих к одному поколению. Характер такого родства в словарях в целом кажется гендерно нейтральным и позволяет считать, что *ятровь* может быть как у женщины, так и у мужчины.

Поскольку мы сосредоточены на бытовании слова *ятровь* в ранних летописных памятниках, то – при всей важности приведенных выше словарных экскурсов – отталкиваясь в первую очередь предстоит от научных исторических словарей русского языка XI–XVII вв. У И.И. Срезневского мы находим определение, с одной стороны, близкое к тому, что нам знакомо по прочим словарным источникам, а с другой, – максимально лаконичное: *ятры* = 'невестка, жена брата' (МДСРЯ III. С. 1673)⁴. Опираясь на это толкование, можно предположить, что функционирование слова *ятровь* в летописи необходимо рассматривать в связи с функционированием слова *брат* – одного из ключевых элементов как в обозначении кровных отношений, так и в политической терминологии домонгольского времени. Иначе говоря, кажется, будто для ответа на вопрос, что такое *ятровь* в летописи, необходимо и достаточно ответить на вопрос, кого в летописи можно назвать *братом*. Однако догадка эта верна лишь отчасти, и скорее *ятровь* способна прояснить нечто в функционировании слова *брат*, нежели наоборот.

Некоторые особенности распределения лексики «ятровь» в пространстве летописного нарратива

В трех древнейших летописных сводах слово *ятровь* встречается около полутора десятков раз, при этом применяется оно (за одним исключением – см. примеч. 5) лишь по отношению к княгиням, и именно поэтому его функционирование столь любопытно для историка династии. Существенно, что случаи его использования распределены в текстах далеко не равномерно, и сколько-нибудь регулярно оно фигурирует здесь несравненно позже, нежели лексема *брат*. Точнее говоря, *ятровь* – как и несколько других обозначений некровного родства – впервые появляется в начальной части ПВЛ, где речь идет не о родственных отноше-

⁴ СДРЯ XI–XIV вв. и СлРЯ XI–XVII вв. на момент выхода этой статьи не доведены до буквы Я, однако картотеки этих словарей не обнаруживают новых фиксаций термина *ятровь*, которые не были бы учтены в нашей работе.

ниях между конкретными людьми, но об отвлеченной картине дурных и хороших нравов разных народов⁵, однако далее этот термин надолго исчезает из летописного повествования. Более того, здесь обнаруживается несколько казусов его красноречивого отсутствия, когда тот или иной князь взаимодействует с женой своего брата, но их свойство не терминологизируется при помощи слова *ятровь*. Наиболее выразительно в этом отношении, пожалуй, описание брака Владимира, будущего крестителя Руси, с женой только что убитого им брата Ярополка, которая отнюдь не именуется *ятровью*: «Володимеръ же залеже жену братню Грекиню и бѣ непраздна ѿ неѣже родиса Стополкъ ѿ грѣховънаго бо корени золь плодъ бывасть понеже бѣ была мѣ^н его черницею а второе Володимеръ залежею не по браку прелюбодѣи бы^с оубо тѣмъ и ѿцѣ его не любаше бѣ бо ѿ двою ѿцю ѿ Ярополка и ѿ Володимера» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78).

Характерно, что и в описании событий, происходивших столетие спустя, когда правнук Владимира Святого – Владимир Мономах – приведет в Киев, где княжит его отец Всеволод, мать и жену Ярополка Изяславича, ни одна из этих женщин не именуется *ятровью*, хотя муж одной из них приходится родным братом Всеволоду, а муж другой – братом двоюродным Владимиру Мономаху (Там же. Т. 2. Стб. 197).

Это слово появится в ПВЛ лишь под 1113 г., при описании ситуации, когда Владимир Мономах вынужден будет защищать интересы вдовы другого своего кузена – Святополка Изяславича: «...наутриа же въ семы на ѿ днь свѣтъ створиша Киане послаша к Володимеру глѹще поиди кнаже на столь ѡтенъ и дѣденъ се слышавъ Володимеръ плакаса велими и не поиде жала си по братѣ Киани же разграбиша дворъ Путатинъ тысячького идоша на Жиды и разграбиша ѿ и послашася паки Киане к Володимеру глѹще поиди кнаже Киеву аще ли не поидеши то вѣси ѿко много зло оуздвигнется то ти не Путатинъ дворъ ни соцькихъ но и Жиды грабити и паки ти поидуть на ятровь твою и на боѣры и на манастирѣ и будеши ѿвѣтъ имѣлъ кнаже ѡже ти манастирѣ разграбать се же слышавъ Володимеръ поиде в Киевъ» (Там же. Т. 2. Стб. 276).

Замечательно, что в рассказе о событиях этого двадцатилетия (1095–1115 гг.) в финальной части ПВЛ начинают активно употребляться и другие термины свойства. С чем это может быть связано? Оставляя пока в стороне проблематику текстологическую, обусловленную временем составления соответствующей редакции текста, отметим другую, так сказать, фактографическую подоплеку употребления интересующих нас слов. Именно этот период положил начало внутридинастическим бракам

⁵ «Половци законъ дѣржать ѿцѣ своихъ . кровь проливати . а хвалащеса ѡ семь . и ѿдуше мѣтвечину . и всю нечѣстоту . хомакы и сусолы . и поимають мачех^н своя . и ятрови . и ины вбываха ѿцѣ своихъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 11–12).-

Рюриковичей, когда правящий род разросся настолько, что князья приобрели возможность вступать в брак с представительницами собственного рода, не нарушая канонических установлений. По-видимому, оптика летописца устроена таким образом, что только со времени актуализации подобных матримониальных союзов, результаты которых проявляются здесь и сейчас, он начинает сколько-нибудь регулярно фокусироваться на браках вообще и на терминологии брачного родства в частности. Все случаи появления слова *ятровь* и в этот период, и позднее связаны с описанием достаточно бурных политических коллизий, разворачивающихся как бы на глазах читателя.

*Андроцентрический характер употребления слова «ятровь»
в летописи; понятие точки отсчета
в исчислении родства и свойства*

Термин *ятровь* обозначает не свойственника, а свойственницу, соответственно, его появление само по себе говорит о том, что женщины так или иначе оставались в фокусе внимания летописца, в его повествовании о жизни династии. Немаловажно, однако, что точкой отсчета в этом именовании родства (тем персонажем, кому наша *ятровь* приходится *ятровью*) неизменно оказывается только мужчина, а не женщина. Вопреки характерной для словарных описаний гендерной нейтральности, в летописи это слово используется всегда и только в «мужской перспективе», хотя братья, а стало быть, и жены братьев с равным успехом, разумеется, могут быть и у женщин⁶.

Если говорить о терминологии родства и свойства как о системе, то не менее существенным показателем пресловутого андроцентризма является практически полное отсутствие в нашем историографическом нарративе зеркального термина, обозначающего то лицо, у которого есть *ятровь* – брата мужа. Термин *деверь*, принадлежащий к таким обозначением свойства, где точкой отсчета выступает женщина, фиксируется в большом корпусе древнейших летописных текстов лишь единожды, да и то лишь в уже упомянутом фрагменте вводной части ПВЛ, где речь идет о дурных и хороших обычаях, а не о родственных связях между

⁶ Отметим для контраста отнюдь не андроцентричное употребление этого слова в самом главном и практически единственном его появлении в церковно-книжном контексте. Это фрагмент из книги Руфь (1:15), в котором женщина (Ноемифь), обращаясь к другой женщине (Руфи), говорит о жене ее брата. На русской почве здесь, скорее, ожидалось бы слово *невестка*, однако во многих списках и редакциях на этом месте в славянском переводе появляется именно *ятровь* (в Елизаветинской и Геннадиевской Библии; см., например, собрание некоторых книг Ветхого Завета в ОР РГБ Ф.304/1 № 2, л. 113 об.). Слово, переводимое как *ятровь* – *yabimtek*, – в этом стихе повторяется дважды, столько же, сколько во всем остальном Ветхом Завете (Быт 38:8, Втор 25:5).

конкретными людьми⁷. Такой же андроцентризм присущ древнейшим русским летописям и в отношении других зеркальных терминов свойства: так, слово *тесть* (отец жены), отсылающее к родственным отношениям, где точкой отсчета родства является мужчина, употребляется достаточно охотно, а зеркальное *свёкор* (отец мужа), где точкой отсчета является женщина, не встречается вовсе, притом что оно вполне актуально для юридических текстов той эпохи. Точно так же обстоит дело и со словом *свесь*: оно употребляется для того, чтобы обозначить сестру жены князя, но зеркальный термин, обозначающий сестру мужа княгини (условная *золовка*) в древнейшем летописании отсутствует. Попросту говоря, практически для всех наличествующих в летописи обозначений женщин-свойственниц точкой отсчета свойства оказывается мужчина. Редкое исключение составляет здесь *сноха* (жена сына) – она в летописной перспективе бывает и у княгини.

В качестве еще одного измерения этой андроцентричной картины летописного рассказа о династии можно указать и тот факт, что ни для одной из женщин, именуемых *ятровями*, не указывается личное имя – хотя их роль в повествовании иногда может быть весомой, все они, как, впрочем, и большинство русских княгинь, остаются для историографа и его аудитории безымянными (Литвина, Михеев, Успенский 2023). За этой повествовательной спецификой трудно не усмотреть отражения глубинного андроцентризма самой династической жизни и принципов наследования власти, целиком и полностью основанных на преемственности по мужской линии. Впрочем, употребление термина *ятровь* свидетельствует о том, что андроцентризм этот в генеалогических исчислениях летописца (а, по-видимому, и его героев, князей Рюриковичей) не был тотальным: родство через женщин не сбрасывалось со счетов полностью – жена дядино сына и жена сына тетки имели практически равные права именоваться *ятровью* (подробнее см. ниже).

Чья жена может быть названа «ятровью» в летописи?

Попробуем очертить круг тех кровных родственников князя, чьи супруги упоминаются в качестве его ятрови. В трех случаях речь идет о жене родного брата (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 402; Т. 2. Стб. 335, 883), в четырех – о жене брата двоюродного, причем трижды имеется в виду родство по

⁷ «Пола́не бо своиѣхъ шѣѣ ѡбычаи имаху тихъ и кро́тококоѣ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестра́мъ и къ матеремъ своимъ и снохи къ свекровамъ своимъ и къ дѣверемъ велико стыдѣнье имущѣ и брачныи обычаи имѣаху не хожаше женихъ п^а невѣсту по привожаху вечеръ а заутра приношаху что на неи владуче а Деревлани живаху звѣрьскимъ ѡбразомъ живуше скотъскыи и оубиваху другъ друга ѡдуше все нечѣто и браченъи в нихъ не быша но оумыкаху оуводы двѣа а Радимичи и Ватичи и Северо ѡдинъ ѡбыча^а имаху живаху в лѣсѣ ѡко же всакии звѣр ѡдуше все нечѣто и срамословье в нихъ предъ оѣи и пре^а снохами» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 10).

мужской линии, а в одном примере – по женской (Там же. Т. 2. Стб. 276, 547, 719, 905), четыре раза термин *ятровь* применяется к жене брата троюродного (по женской линии) (Там же. Стб. 717, 727–729), а в одном случае речь идет о жене еще более отдаленного кровного родственника – жене двоюродного дяди по отцу (Там же. Стб. 47). В дальнейшем мы предполагаем говорить именно об этих казусах, оставив в стороне тот единственный случай использования слова *ятровь*, где речь идет – в начальной части ПВЛ – о дурных и хороших нравах различных племен и народов.

Если посмотреть на только что перечисленные нами конкретные случаи в перспективе соотношения слов *брат* и *ятровь*, то нетрудно убедиться, что жена родного брата именуется *ятровью* ничуть не чаще, чем жена брата двоюродного, что термин этот приложим и к жене троюродного брата и даже к жене родственника на одно поколение старше чем тот, кто является точкой отсчета для его появления. При этом употребление данного термина трудно назвать безгранично свободным и произвольным.

Таким образом, для условного словаря летописного употребления термина *ятровь* (*ятры*) целесообразно, по-видимому, выделять в чем-то более узкое, в чем-то более широкое значение, нежели то, что принимается в словарях древнерусского языка как такового. Предложим здесь достаточно формализованное определение: в летописи *ятровь* – это свойственница мужчины X, жена того, кто приходится X кровным родственником не далее, чем в 6-й степени (троюродные) по мужской или по женской линии. При этом муж ятрови принадлежит к одному с X поколению или (реже) на одно поколение старше X, но в таком случае родство между ними не ближе 5-й степени.

Такое определение требует некоторых комментариев, необходимых как для прояснения семантики слова *ятровь* и его места в системе летописной терминологии свойства, так и для понимания семантики и функции слова *брат* в летописи.

Слово «ятровь» в системе летописной терминологии свойства

Для того, чтобы понять, чем летописная *ятровь* отличается, к примеру, от *ятрови* из словаря Даля, важно учитывать не только те формы свойства, которые в летописи обозначаются с его помощью, но те, к которым оно применено быть не могло. Об ограничениях точки отсчета – о том, что в летописи ятровь бывает только у мужчин, – уже говорилось выше. Кроме того, родство между мужем княгини и тем, чьей *ятровью* она будет названа, должно быть, как это и отражено в нашем определении, кровным: так, в летописи, в отличие от словарей XIX в., с женой

шурина это слово не связывается. Само по себе такое ограничение довольно любопытно и не вполне предсказуемо. В самом деле, свойство – рукотворное родство по браку, зачастую воплощавшее в себе дружественный договор между князьями, – имело некоторый потенциал для распространения вширь, и подобное расширение могло даже фиксироваться терминологически. Попросту говоря, *сватами* по отношению друг к другу могли именоваться не только сами князья, поженившие своих подопечных, но и, скажем, родные братья этих князей (Литвина, Успенский 2020. С. 141, примеч. 3). Дружественно-договорная связь с шурином у князя могла быть достаточно крепкой, и при описании их взаимодействия летописец охотно пользуется лексемами *шурин* и *зять*. Тем не менее, на жен шурьев и прочих свойственников потребность в расширяющей терминологизации как будто бы не распространяется.

К супругам кровных родственников термин *ятровь* также применяется избирательно. Судя по имеющимся в нашем распоряжении примерам, жены прямых близких кровных родственников (отца, сына) *ятровью* не именуются ни в коем случае – для них используются только специальные термины *мачеха* и *сноха*. Таким образом, в противоположность словарям, летописная *ятровь* отнюдь не является полным синонимом современного слова *невестка*, которое может означать как жену брата, так и жену сына. Что еще более существенно, летописный узус, в отличие от узуса древнерусских переводных и юридических текстов, широкого термина *невестка*, который может относиться как к жене родственника своего поколения, так и к жене родственника младшего поколения, не знает вовсе. В летописи такие отношения строго дифференцированы терминами *ятровь* и *сноха*.

Любопытно, что относительно мужчины (мужа дочери и мужа сестры) такой дифференциации не требуется – слово *зять* вполне успешно вмещает в себя и то, и другое. На первый взгляд, может показаться, что подобная индифферентность к поколенческой разнице компенсируется интенсивным использованием в летописи терминов кровного родства по отношению к этому типу свойственников: в прямой речи персонажей *зять* охотно именуется *сыном* своего тестя, с одной стороны, и *братом* своего шурина, с другой. Однако такая дифференциация сама по себе непоследовательна и как бы окказиональна, вернее, она обусловлена индивидуальными политическими обстоятельствами. Более того, в соответствии с этими обстоятельствами она может намеренно стираться в самом употреблении кровнородственных обозначений. Так, зять может обращаться к шурина «брат и отец», а шурина к зятю – «сын и брат». Поколенческая же разница между снохой и ятровью, насколько мы можем судить по дошедшим до нас текстам, не нивелируется никогда.

Говоря далее о мере специфичности или, напротив, широте значения какого-либо из слов, обозначающих женщин-свойственников, необходимо учитывать две принципиальные особенности в функционировании терминологии кровного родства и родства по браку в летописных рассказах о князьях X–XIII столетий. Прежде всего, как упоминалось только что, уже в этих повествованиях соответствующая лексика периодически запечатлевает намеренное отождествление свойства и родства, когда зять, например, именуется *сыном*, а теща – *отцом*. Подобная система номинации безусловно поддерживается церковным каноном, где – в духе теории единой плоти – кровная родня одного из супругов должна сделаться таковой для другого, да помимо всего прочего ограничения на брак, касающиеся родственников, с момента заключения матримониального союза должны распространяться и на новую родню.

С другой стороны, внутри системы кровного родства при описании династического обихода мы не раз сталкиваемся с неким расширением и пересчетом, когда с помощью соответствующей лексики родство более дальнее приравняется к близкому, причем средствами такого отождествления служат в первую очередь слова *брат* и *сын*. Существенно, что ни такой пересчет, ни, тем более, такое расширение отнюдь не являются обязательными и последовательными. Как ведет себя здесь каждое конкретное обозначение родства или свойства, важно и для определения его семантики, и для истории династии, запечатленной в летописи, – и для истории слова, и для истории факта.

Из непрямых кровных родственников самой важной фигурой для князя, вне всякого сомнения, являлся *стрый*, родной дядя по отцу. Для него налицо и специальный термин⁸, но именно на стрья в первую очередь может переноситься – в силу договора – термин прямого родства *отец*. Любопытно при этом, что парный термин *мать* такому политически мотивированному переносу не подвержен: жена дяди, даже если он ситуативно зовется *отцом* князя, никогда не именуется *матерью*; не может она быть названа ни *ятровью*, ни *мачехой*. Если потребность в терминологизации возникает разово, то для жены родного дяди по отцу конструируется дифференцирующий термин *стрыиня*⁹. Зато *ятровью*, как мы знаем, хоть и редко, но может именоваться жена дяди двоюродного.

⁸ Летописный узус, а, возможно, и древнерусский узус XI–XII столетий в целом, не знает обобщающего термина кровного родства, который включал бы в себя как дядю со стороны отца, так и дядю со стороны матери. В древнейших летописях наличествуют только специализированные обозначения *уй* (*вуй*) и *стрый*.

⁹ Так названа жена Юрия Долгорукого по отношению к племяннику своего мужа, Ростиславу Смоленскому, сыну Мстислава Владимировича Великого: «Ростиславъ же поима стрыиню свою съ собою и поиде къ строеви своему съ всимъ полкомъ своимъ и приде къ строеви своему Дюргеву в Киевъ и тако шбуастаса с великою любовью и с великою чѣстью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480).

Для племянников в летописи имеются специализированные термины *сестричич* и *сыновец*¹⁰, и при этом и племянник по отцу, и племянник по матери ситуативно или в соответствии с некими междукняжескими соглашениями может именоваться *сыном*, однако у нас нет ни одного примера, когда жена такого «сына» (да и всякого младшего непрямого родственника) князя называлась бы в летописи его *снохой* или *ятровью*. Не называется *ятровью* и жена кого-либо их прочих младших кровных родственников (двоюродных племянников и т.п.), которые в определенных обстоятельствах в летописном тексте именуются *братьями* своих старших родичей. Какое-либо собственное дифференцирующее именование для всех этих жен младшей родни отсутствует.

Что касается отношений дед/внук, то они, знаменательным образом, при описании междукняжеских отношений никогда (в отличие от отношений дядя/племянник) не определяются словами *отец* и *сын*. Дед в династической практике как будто бы не в состоянии заместить для внуков отца, а они для него сыновей, и это – существенная особенность русской династической жизни. Так, например, осиротевшие внуки князя Вячеслава Владимировича, Мономахова сына, всегда остаются для него не более чем внуками, а место сыновей по договору занимают те, кто приходится ему племянниками (сыновьями брата) (Литвина, Успенский 2020. С. 21–38). Не исключено, что здесь замешана своеобразная концепция изгойства, когда рано осиротевший князь становится кандидатом на вытеснение из жизни династии. Свойство внуковых жен по отношению к дедам не маркируется никак – ни узким, ни широким термином. Любопытно, что и мужья внучек не именуется ни *зятьями*, ни как-нибудь еще, хотя коллизии, когда князьям приходится, к примеру, обращаться за помощью к дедам своих жен, в летописи представлены.

Разумеется, имеющаяся в нашем распоряжении коллекция примеров обозначения свойственников не настолько обширна, чтобы на ее основании можно было делать какие-либо окончательные выводы. Однако некоторые важные составляющие общей картины, на наш взгляд, все-таки можно наметить. С одной стороны, существование специализированного слова позволяет более надежно выделить зону наиболее релевантного свойства с женщинами в междукняжеских отношениях. Очевидным образом, в нее входят супруги прямых кровных родственников, но только в двух поколениях – детей и родителей, – а жены внуков и дедов из этого круга выпадают. Что же касается непрямого родства, то для летописного узуса самыми релевантными являются отношения с женами родствен-

¹⁰ В Галицко-Волынской летописи присутствует и парный термин для обозначения племянницы (дочери брата) – *сыновица* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 883).

ников по горизонтали (людей одного поколения), которые терминологизируются вплоть до 6-й степени родства/свойства. Несколько менее значимы, но все же релевантны связи по вертикали «вверх», от младшего к старшему (жены родных и двоюродных дядьев). Менее же всего релевантны отношения, направленные, так сказать, «вбок» и «вниз» — от старшего к непрямой младшей свойственнице.

С другой стороны, оказывается, что употребление обозначений свойства в целом куда менее политизировано, менее склонно к ситуативно-договорному расширению, нежели обозначения кровных родственников. В самом деле, княжеский брак сам по себе — уже результат политического договора, и возникшие благодаря ему связи, как выясняется, в большинстве случаев нет необходимости метафоризировать и расширять дополнительно. *Тесть* некоего мужчины — это всегда и только отец его жены, а не, скажем, ее родной дядя или иной родич, выдававший ее замуж.

Характерно также, что в летописном узусе обозначения женщин-свойственниц гораздо реже подвергаются конвертации свойства в кровное родство¹¹. Так, жена брата не именуется *сестрой* князя, а жена сына — *дочерью*. Единственное исключение — мачеха, которая может именоваться *матерью* Рюриковича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 473), но и этот случай единичен¹².

Не менее важно, что обозначения женщин-свойственниц в целом более специализированы и терминологичны, чем обозначения свойственников-мужчин. В летописи таких обозначений насчитывается пять (или шесть, если учитывать гапакс *стрыня*, определяющий жену родного дяди по отцу): *ятровь*, *сноха*, *мачеха*, *теща*, *свесть*¹³. Значения этих слов никоим образом не пересекаются и относительно узки. В дополнение к уже приводившимся примерам напомним, что *сноха* — это всегда и только жена родного сына, а *свесть* — родная сестра жены. Почти каждый из этих терминов в летописи оказывается применим только к определенной степени свойства, да еще и к определенному поколению; слова, допускающие поколенческое смешение (вроде *невестка*), как уже говорилось, для летописи в известном смысле непригодны.

При этом кажется, что из всех обозначений женщин-свойственниц наиболее широким — при всех указанных ограничениях — является как раз интересующее нас слово *ятровь*: оно как будто бы отсылает к более

¹¹ Такая конвертация широко представлена, например, в текстах XVI–XVII столетий, особенно в эпистолярном жанре: жена мужниного брата может именоваться *сестрой*, а жена двоюродного деда — *бабушкой* (Литвина, Успенский 2024). Подобная практика в допетровское время несомненно нуждается в дальнейшем самостоятельном исследовании.

¹² Подробнее об этом эпизоде и об особой династической роли княгини, которая так именуется, см.: (Ханукаева 2021. С. 52–54).

¹³ Термин *свекровь* фигурирует только в многократно упоминавшемся деперсонализированном описании нравов и обычаев в начальной части ПВЛ (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 10).

широкому кругу родственников, нежели *теща*, *мачеха* или *сноха*. Исходя из перспективы канонического права, можно сказать, что этим термином охватываются родственники четырех разных степеней. Загадка подобной широты напрямую связана с функционированием в летописи слова *брат*, а оно, в свою очередь, как уже говорилось выше, может быть прояснено за счет употребления слова *ятровь*.

Соотношение «брат»/«ятровь»

Коль скоро речь идет об употреблении слова *брат* применительно к членам династии, налицо по крайней мере две исследовательские проблемы. С одной стороны, самое значение этой лексемы в семейно-биологическом смысле в древнерусском языке очевидным образом шире, чем в современном, и у нас есть возможность лишний раз уточнить границы этой широты и степень ее контекстуальной обусловленности, опираясь на функционирование соотнесенного с ним термина *ятровь*. С другой стороны, в летописном узусе на эту широту накладывается дополнительный компонент – некое условное равенство властного статуса, и если речь идет о князьях Рюриковичах, словом *брат* может обозначаться круг лиц еще более обширный. Поскольку все князья, обладавшие властью на Руси в X–XII столетиях, и в самом деле состояли друг с другом родстве и именно на этом родстве легитимность их власти основывалась, то современному исследователю порой оказывается одинаково трудно как отделить в использовании слова *брат* собственно семейное начало от политического, так и признать их неразделимость¹⁴. Формулируя эту проблему иначе, можно сказать, что не так-то легко определить, где в летописном узусе мы имеем дело с употреблением слова *брат* в его прямом значении, а где следует говорить о значении переносном, о рождении некоей политической метафоры братства. Рискнем предположить, что небесполезным для определения границ и семантического наполнения слова *брат* окажется слово *ятровь*.

Попробуем начать со второго вопроса. Как уже говорилось, если речь идет о князьях Рюриковичах, то родной дядя по отцу (старший кровный родственник в 3-й степени) в летописи может именоваться *братом* своего племянника. Соответственно, и племянник – родной и двоюродный – может быть назван *братом* князя; *братьями* именуются, кроме

¹⁴ Полемика о мере и степени политизированности терминов кровного родства, прежде всего *брат* и *сын*, имеет давнюю историю. Ее основа была заложена в трудах С.М. Соловьева, Я.А. Голяшкина, А.Е. Преснякова, ряд соображений на сей счет был высказан в исследовании В.Т. Пашуто (1965), лингвистическая перспектива летописного использования термина *брат* обсуждалась в работах В.Ю. Франчук и В.В. Колесова. Из недавних работ, целиком концентрирующихся на роли терминов родства в Киевской летописи, следует отметить статьи М.Л. Лавренченко (2014; 2020; там же см. и более подробный обзор истории вопроса).

того, и более отдаленные родичи того или иного Рюриковича, например троюродные дядя. Между тем, как мы убедились выше, в летописи не находится примеров, когда жены таких родственников обозначались бы как *ятровь*. Иными словами, бытование слова *ятровь* поддерживает не все типы бытования термина *брат*. Весьма характерно, кроме того, что *брат* особенно активно эксплуатируется в прямой речи князей (зачастую в качестве обращения), и именно прямая речь, как уже отмечалось исследователями, является потенциально наиболее политизированной зоной употребления терминов кровного родства (*брат, сын*) (Лавренченко 2014). *Ятровь* же не демонстрирует никакой особенной аттракции к прямой речи – из всех летописных употреблений этого слова на прямую речь приходится лишь четыре эпизода, причем в трех из них речь адресована не к одной ятрови, а к другим лицам или же к совокупности лиц, в числе которых, возможно, присутствует и ятровь. В двух случаях мы имеем дело с обещанием (близким к клятве), произносимым князем, а еще в одном с речью киевлян, обращенной к князю, о ятрови которого в данном случае они говорят: «...ѡнъ же посла къ Славнови и къ дружинѣ рече^а цѣлюю к вама крѣтъ и къ кнагиги вашей ѡкоже ми на ва^е не позрѣти лихомъ ни на ятровь свою ни на села еѣ ни на ино ничтоже и цѣлова крѣтъ к нима и вниде въ градъ и переступи крѣтѣное цѣлование съ заутрѣя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 546–547).

Исходя из этого и – в еще большей степени – из общей минимальной политизированности и максимальной строгости системы обозначений женщин-свойственников, мы рискнули бы выдвинуть следующий тезис: для того круга родичей, чьи жены могут быть названы *ятровьями* (родных, двоюродных и троюродных братьев, двоюродных дядев), нет нужды усматривать особую политическую подоплеку или политическую метафоризацию в употреблении слова *брат*. Они и без того являются для летописца (а с большой долей вероятности – и для самих князей) просто братьями в семейно-биологическом понимании. Разумеется, в отдельных случаях нельзя полностью исключить в специальном упоминании «братства» с двоюродными или троюродными некоторой политической прагматики, политического педалирования близкой родственной связи, но такой смысл может появиться лишь на фоне достаточно очевидного для всех участников ситуации кровного братства, и без того их связывающего. Применительно же ко всем прочим родичам, чьи жены в летописи *ятровьями* не именуются, слово *брат* используется в переносном, расширительно-метафорическом значении – в качестве прообраза политического термина. Это значение, в отличие от того, что рассматривалось выше, имеет индивидуализированный, договорной и – что наиболее существенно – отменяемый характер. Так, князья, сделавшиеся *сыном* или

братом в силу политической договоренности, перестают быть таковыми в результате конфликта или, что еще более выразительно, после кончины одного из участников такого договора¹⁵.

С другой стороны, используя слово *ятровь* в качестве индикатора, мы лишний раз убедились, что собственно семейно-биологическое, прямое значение слова *брат* в летописи, да и не в ней одной, достаточно широко и охватывает не только родных братьев, но двоюродных и троюродных¹⁶. Подкрепить эту часть нашего рассуждения могут, помимо всего прочего, более общие наблюдения над функционированием термина *брат* в древнерусских источниках. Совокупность текстов XV–XVII столетий здесь вторит летописному узусу и позволяет говорить о том, что коль скоро речь идет о биологическом родстве, то *братьями* без каких-либо уточняющих помет довольно свободно именуются родичи одного поколения не далее 6-й степени родства (родные, двоюродные и троюродные братья)¹⁷, без всякой связи с наличием или отсутствием у них каких-либо властных полномочий. Недаром значительная часть употреблений слова *ятровь*

¹⁵ Очень показательна здесь терминологизация отношений между дядей и племянником – Вячеславом Владимировичем и Ростиславом Мстиславичем, о которых в летописи специально сообщается, что они заключили договор, в силу которого они становятся *отцом* и *сыном*. Замечательно, что как только Вячеслав умирает, искусственный характер его отцовства по отношению к племянникам сказывается на словоупотреблении. В самом известии о смерти князя, в рассказе о погребении и разделе его наследства, он все еще фигурирует как *отец* Ростислава Мстиславича. Ср. следующие ремарки в прямой и косвенной речи: «оутрии же днь пригнаша к Ростиславу ис Киева и повѣдаша ему ѡца ти Вячеслава Бѣ поаль», «...и тако плакаса по ѡци своеѣ и проводи его до гроба съ чѣтью великою съ множествомъ народа и положиша оу стыа Софѣи идеже лежить Ирославъ прадѣдъ его и Володимиръ ѡць его», «и съзва мужа ѡца своего Вячеслави-и тивунѣи и ключники каза нести имѣнье ѡца своего-передъ са». Но как только все эти церемонии завершены, окружение Ростислава переключается в иной регистр и предупреждает своего князя: «се Бѣ поаль строу твоего Вячеслава а ты са еси еще с людьми Киевѣ не оутвердилъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 472–474). Подробнее об этой коллизии см.: Литвина, Успенский 2020. С. 21–38.

¹⁶ Нельзя не отметить, впрочем, что летопись не проявляет полной индифферентности к различиям в этих степенях родства. Для неродного брата изредка применяется термин *бранан* (ср., например: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524). Существенно, однако, что применительно к древнейшим летописям невозможно говорить о его специализированности: так может именоваться не только двоюродный брат, но и племянник (Там же. Т. 3. С. 207) или брат в совокупности с племянниками (Там же. Т. 2. Стб. 480). Племянника и племянницу, да притом родных, а не двоюродных, обозначают *брананич*, *брананьна* и *бранана*. Семантика и функция всех этих слов явно нуждаются в дополнительном исследовании. Так или иначе, частота использования слова *бранан* в летописи не идет ни в какое сравнение с количеством случаев, когда двоюродные и троюродные обозначаются словом *брат*.

¹⁷ Примеры такого рода весьма многочисленны, ограничимся здесь лишь двумя, на наш взгляд, довольно выразительными. Борис Годунов, еще не сделавшись царем, дает вклад в Иосифо-Волокомский монастырь, сопровождающийся записью о том, кого за этот вклад следует поминать: «Да Бори^е же Федорович да^и в до^и прч^етыа Бѣы по мѣри по свои по инокѣ Сундулѣи да по брате по своѣ^и по Іакове сто рублѣ^и на вѣчны поминѣ^и в наслѣдѣи вѣчны^и блѣ^и» (РГАДА Ф. 1192, оп. 2, д. 395 л. 198). Инока Сундуля – это действительно родная мать Бориса Федоровича, носившая в миру имя *Стефанида*. Родных же братьев по имени *Яков* у Годунова не было,

связано с женами родственников именно этих трех категорий. Более того, даже для современного носителя русского языка утверждение о том, что слово *брат* может применяться именно к этим родственникам, выглядит достаточно тривиально, хотя и не всегда находит отражение в словаре. Однако само по себе такое понимание биологического родства, включающего в братский круг троюродных (родичей, вообще говоря, уже достаточно отдаленных), но не четвероюродных, представляет самостоятельный интерес. Мы полагаем, что оно складывается в домонгольский период и генетически связано с нормами канонического права, допускающими брачный союз между родичами в 7-й или 8-й степени, но отнюдь не в 6-й. Разумеется, речь идет не о том, что на троюродном брате жениться нельзя, а на четвероюродном можно. Существенно, что в основе исчислений неблизкого родства лежала эта брачная перспектива – самая необходимость подобных подсчетов изначально ею и провоцировалась и, соответственно, водораздел между дальним и ближним родством совпадал с границей допустимости церковного брака. Современный узус в отношении слова *брат* сохраняет определенные рудименты этой архаической картины.

Весьма любопытно в этой связи, что *ятровью* может изредка именоваться жена двоюродного дяди, свойственница в 5-й степени: «Володимиръ же Мьстиславичъ бѣ в Полонѣмъ слышавъ же вже Андрѣвичъ Володимиръ оумерлъ и иде к Дорогобужю дружина же Андрѣвича не пустиша его в городъ внѣ же посла къ Славнови и къ дружинѣ ре^ѣ цѣлюю к вама крѣтъ и къ кнагиги вашей ꙗкоже ми на ва^ѣ не позрѣти лихомъ ни на ятровь свою ни на села еѣ ни на ино ничтоже и цѣлова крѣтъ к нима и вниде въ градъ и переступи крѣтъное цѣлование съ заоутрѣа <...> наоутрѣа же в субботу поидохомъ с Володимиромъ из Вышегорода Дѣвдъ же кнзъ не поусти кнагинѣ с мужемъ до Киева ре^ѣ ей како та могу ятры пустити а пришла ми вѣсть ночьсь вже Мьстиславъ въ Василевѣ а дружинѣ его ре^ѣ а кому васъ годно а идетъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 547). Мы допускаем, что родство с таким дядей подпадало под прямое значение слова *брат*, коль скоро разница в возрасте между ним и двоюродным племянником была невелика. Быть может, здесь следует принять во внимание и то об-

зато имелся брат троюродный – Яков Афанасьевич Годунов, о котором здесь, судя по всему, и сообщается. Ср. также коллизию, связанную с троюродными братьями, князьями Даниилом и Никитой Мезецкими. Даниил Иванович называет Никиту просто *братом* в своем завещании 1628 г. (Татищев 1903. С. 75), а Никита Михайлович, в своем очередь, действует аналогичным образом, давая в 1638 г. по князе Данииле серебряный напрестольный крест со следующей надписью: «Лета 7147 <1638> сентября 8 днь дал сии свѣты крѣтъ гднь в пречесную Обитель Рожества Бдцы и Преподобнаго Пафнутия Боровскаго Чюдотворца при игумень Иосифе и при келаре Пафнутие Ерапкине кнзъ Никита Михайлович Мезецкои по брате своем по боярине кнзе Данииле Ивановиче Мезецком во иноцех Давыде схимнике и по кнгине ево Матроне» (Хохлова 2005. С. 112. № 4).

стоятельство, что русские князья домонгольского времени хорошо соблюдали запрет на браки между ближайшими свойственниками, однако на браки между свойственниками отдаленными смотрели мягче, и эта мягкость, своего рода неполная допустимость, как раз с 5-й степени и начиналась (Литвина, Успенский 2020. С. 105–137). Возможно, это как раз та точка, где родственная связь еще важна, а разница между поколениями уже может сбиваться, отчасти сглаживаться.

Помимо всего прочего, стоит отметить, что перед нами экзотический для летописи случай, когда слово *ятровь* явлено в прямой речи в качестве обращения. Соответственно, возрастают шансы, что в его употреблении есть еще и пресловутая дополнительная актуализация и политизация: летописец стремится подчеркнуть, что для Давыда Ростиславича покойный муж княгини (Владимир Андреевич Дорогобужский) скорее *брат*, нежели *дядя*¹⁸. Существенно, однако, что с такой целью слово *ятровь* может быть использовано лишь в довольно ограниченных рамках: ни жена дяди родного, ни жена какого-либо другого отдаленного родственника ни в какой политической ситуации так не именуется.

Набросок к династическому портрету

Обсудив, какое место занимало *ятровь* в генеалогическом «словарике» летописца, попробуем взглянуть на княжескую *ятровь* в еще одной перспективе. В каких политических ситуациях она появляется или, если так можно выразиться, как будет выглядеть обобщенный династический портрет княжеской *ятрови*? Кажется почти излишним упоминать, что практически все случаи ее появления в летописном тексте связаны с описанием конфликта – таков удел почти всех свойственников, и в этом отношении *ятровь* лишь немногим опережает прочую родню по браку. Характерно, что в шести случаях речь идет о вдовах, а в двух о, так сказать, полувдовах – муж одной из этих княгинь, Владимир Василькович, пребывает на смертном одре (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 905), тогда как муж другой, Игорь Ольгович, находится в заточении и вскоре решится принять

¹⁸ Весь этот эпизод интересен нам еще и потому, что княгиню, пытающуюся привезти тело своего покойного мужа в Киев, последовательно называют *ятровью* два разных лица – двоюродный брат, вечный соперник ее внезапно скончавшегося мужа, Владимир Мстиславич, а затем и пресловутый двоюродный племянник Давыд Ростиславич. Возможно, здесь подчеркивается, что Владимир Мстиславич и его недруг Давыд ведут себя одинаково враждебно по отношению к вдове своего родича. В свое время на этот случай употребления слова *ятровь* обратил внимание С.А. Высоцкий (1985. С. 25–31. № 307). Исследователь связал с вдовой Владимира Андреевича граффито в Киевской Софии. При этом он ошибочно полагал, что в летописи Давыд называет ее *ятры* потому, что она, возможно, приходилась свояченицей (сестрой жены) его брату, Роману Ростиславичу (Там же. С. 29). Однако такого рода экстраполяции отношений свойства в летописном повествовании не практикуются, не говоря уже о том, что использовать подобные утверждения в качестве дополнительного аргумента при атрибуции (в остальном, впрочем, вполне убедительной), едва ли оправданно.

постриг, а затем погибнет (Там же. Стб. 335). Это обстоятельство также может показаться тривиальным – во множестве патриархальных традиций вдова располагает в чем-то большей самостоятельностью, нежели женщина, находящаяся под покровительством мужа или отца. Однако говоря о вдовствующих ятравях на Руси, стоит принять во внимание ту династическую особенность домонгольских Рюриковичей, в соответствии с которой княжеская вдова не могла, оставаясь на Руси, выйти замуж вторично. Вдовство для князя было, как правило, статусом краткосрочным, для княгини же – окончательным и бесповоротным.

Лишь у двух из тех княгинь, к которым применяется термин *ятроть*, мужа живы и обладают всей полнотой княжеской дееспособности. Весьма существенно, что в этих последних казусах речь идет о женах родных братьев, а в летописи, как мы помним, по отношению к ним это слово употребляется, парадоксальным образом, реже, чем к женам братьев двоюродных и троюродных. Очень показательно, что два соответствующих эпизода, довольно далеко разнесенных во времени и пространстве и запечатленных в двух разных летописных сводах, объединены весьма ощутимой общностью событийного и сюжетного ряда – и в том, и в другом случае речь идет о недолжном поведении по отношению к этим княгиням: родной брат мужа захватывает свою ятровь в плен или полностью разграбляет ее имущество¹⁹.

Таким образом, можно заключить, что в русской летописи родовой статус женщины актуализируется с помощью термина свойства в двух типах случаев: во-первых, это происходит, когда она становится вдовой или ее муж теряет возможность сколько-нибудь полноценно участвовать в родовой жизни, во-вторых, когда явным образом попираются нормы родственно-свойственных отношений – налицо открытая вражда между родными братьями, доходящая до посягательств одного из них на свободу и имущество жены другого. Пока же муж княгини жив и дееспособен, а вопиющего нарушения норм семейно-родовой жизни не происходит, в летописном тексте как бы не возникает необходимости терминологически выделять и подчеркивать связь князя с женой кого-либо из его кровных родственников по горизонтали.

¹⁹ В первом эпизоде повествуется о распри между двумя группами родных братьев, рязанских князей, сыновей Глеба Ростиславича: «и штвори гра^а уни же въѣхавше даша ѿму городъ а крѣ^е цѣлова к ни^а и посадиша и в том же градѣ а что дружины Всеволожи повазаша всѣ^х жену же ѿго и з дѣтми а свою ятровь ведоша в Рязань и боляр ѿго и имѣные ихъ розоимаша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 402). Во втором же примере главными действующими лицами являются польские князья, сыновья Земовита: «Потом же вложи дьяволъ ненависть во два Сомовитовича во Кондрата и во Болеслава и начаста враждьствовати межи собою и воеватиса <...> и ятроть свою шблоупи кнагиню Кондратовоую и сновицу свою шблоупи и оучини соромоту великоу братоу своему Коньдратови» (Там же. Т. 2. Стб. 882–883).

Напомним, что ни одну из княгинь, именуемых *ятровью*, летописец не называет по имени, ни в интересующих нас эпизодах, ни где бы то ни было в рамках летописного текста вообще. Иными словами, утрата мужа или наличие близкородственного конфликта могут оказаться достаточными для того, чтобы женщина фигурировала в тексте как самостоятельный субъект родственно-свойственных отношений, однако все перечисленные обстоятельства как будто бы не требуют появления в летописи ее личного имени. Существенно, кроме того, что в слове *ятровь* одновременно запечатлевается как сиюминутность, так и перманентность свойства в Древней Руси. В самом деле, смерть кого-либо из участников цепочки матримониальных взаимоотношений не в состоянии ее прервать и нарушить – жена покойного кузена, как, впрочем, и невестка, вошедшая в семью после смерти свёкра, отнюдь не утрачивают своего генеалогического статуса в системе родовой жизни, навсегда оставаясь ятровью и снохой, даже если в повседневном обиходе их права поправны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. [*Iysockiy S.A.* Kievskie graffiti XI–XVII vv. (Kievan Graffiti of the 11th–17th Centuries). Kiev, 1985.]
- Голяшкин Я.А.* Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. М., 1898. Т. 2. С. 211–285. [*Golyashkin Ya.A.* Ocherk lichnykh otnosheniy mezhdru knyazyami Kievskoy Rusi v polovine XII v. (v svyazi s vozzreniyami rodovoy teorii) (An Essay on Personal Relations Between the Princes of Kievan Rus in the Mid-12th Century in the Context of Clan Theory) // Referaty, chitannye v 1896 i 1897 godakh. Izdaniya istoricheskogo obshchestva pri Imperatorskom moskovskom universitete. Moscow, 1898. T. 2. S. 211–285.]
- Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. [*Kolesov V.V.* Mir cheloveka v slove Drevney Rusi (The Human World in the Language of Old Rus’). Leningrad, 1986.]
- Лавренченко М.Л.* Древняя Русь. «Быти всѣм за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 43–75. [*Lavrenchenko M.L.* Drevnyaya Rus. «Byti vsem za odin brat». Pragmatika terminov rodstva v dialogakh Kievskoy letopisi (1146–1154) (Old Rus. “To Be All as One Brother”. Pragmatics of Kinship Terms in The Dialogues of the Kievan Chronicle, 1146–1154) // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2014. No. 1 (55). S. 43–75.]

- Лавренченко М.Л.* Термины родства в политической жизни Древней Руси // Вестник Нижегородского университета. им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 42–55. [*Lavrenchenko M.L.* Terminy rodstva v politicheskoy zhizni Drevney Rusi (Kinship Terms in the Political Life of Old Rus) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2020. No. 3. S. 42–55.]
- Литвина А.Ф., Михеев С.М., Успенский Ф.Б.* Необычная печать русской княгини // От сорочка к Олекше: Сборник статей к 60-летию А.А. Гиппиуса. М., 2023. С. 129–144. [*Litvina A.F., Mikheev S.M., Uspenskij F.B.* Neobychnaya pechat' russkoy knyagini (An Unusual Seal of a Russian Princess) // Ot sorochka k Olekshe: Sbornik statey k 60-letiyu A.A. Gippiusa. Moscow, 2023. S. 129–144.]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб., 2020. [*Litvina A.F., Uspenskij F.B.* «Se yaz rab Bozhiy...» Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoy kultury ("Behold, I am a servant of God..." Polyonymy as a Factor and Fact of Old Russian culture). St. Petersburg, 2020.]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Кубок и крест, ковчег и надгробье. Имена и вещи в подспудной истории Смутного времени // Studi Slavistici. 2024. Т. XXI, № 2. С. 61–79. [*Litvina A.F., Uspenskij F.B.* Kubok i krest, kovcheg i nadgrobye. Imena i veshchi v podspudnoy istorii Smutnogo vremeni (Cup and Cross, Ark and Grave-stone: Names and Things in the Latent History of the Time of Troubles) // Studi Slavistici. 2024. T. XXI, No. 2.]. S. 61–79.
- Паушто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76. [*Pashuto V.T.* Cherty politicheskogo stroya Drevney Rusi (Features of the Political Structure of Old Rus') // Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. S. 11–76.]
- Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. [*Presnyakov A.E.* Knyazhoe pravo v Drevney Rusi. Lektsii po russkoy istorii. Kievskaya Rus' (Princely Law in Old Rus'. Lectures on Russian History. Kievan Rus'). Moscow, 1993.]
- Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003. [*Solov'ev S.M.* Istoriya otnosheniy mezhdru russkimi knyazyami Ryurikova doma (History of Relations between Russian Princes of the Rurik Dynasty). Moscow, 2003.]
- Татищев Ю.В.* Род князей Мезецких // Известия русского генеалогического общества. 1903. Вып. 2. С. 48–84. [*Tatishchev Yu.V.* Rod knyazey Mezeckikh (The Family of the Mezecki Princes) // Izvestiya russkogo genealogicheskogo obshchestva. 1903. Vyp. 2. S. 48–84.]

- Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2008. Т. 3. [Trubachev O.N. Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura. (Works on Etymology. Word. History. Culture). Moscow, 2008. T. 3.]
- Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. [Franchuk V.Yu. Kievskaya letopis': Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii (The Kiev Chronicle: Composition and Sources in Linguistic Interpretation). Kiev, 1986.]
- Франчук В.Ю. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 154–157. [Franchuk V.Yu. Yazycheskie motivy drevnerusskogo letopisaniya (Pagan Motifs in Old Russian Chronicle Writing) // Drevnosti slavyan i Rusi. Moscow, 1988. S. 154–157.]
- Ханукаева Р.И. Мать и мачеха: о судьбе новгородки Н. Дмитриовны, княгини Мстиславлей // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 3. С. 46–59. [Khanukaeva R.I. Mat' i machekha: o sud'be novgorodki N. Dmitrovny, knyagini Mstislavley (Mother and Stepmother: on the Fate of the Novgorodian N. Dmitrovna, Princess of Mstislavl') // Shagi/Steps. 2021. T. 7, No. 3. S. 46–59.]
- Хохлова Т.М. Вкладные дары в Пафнутьев-Боровский монастырь из собрания Калужского областного краеведческого музея // Боровск: Страницы истории. Боровск, 2005. Вып. 5. С. 108–113. [Khokhlova T.M. Vkladnye dary v Pafnut'ev-Borovskiy monastyr' iz sobraniya Kaluzhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (Donations to the Pafnuty-Borovsky Monastery from the Collection of Kaluga Regional Museum of Local Lore) // Borovsk: Stranitsy istorii. Borovsk, 2005. Vyp. 5. S. 108–113.]

Ksenia P. Kostomarova, Anna F. Litvina, Fjodor B. Uspenskiy

ЯТРОВЬ IN THE OLD RUSSIAN CHRONICLES

This article explores the semantics and usage of the word *ятровь* which has fallen out of use in modern Russian and refers to a specific non-blood relative. The authors examine the term's distinctive application in the narrative of the oldest Russian chronicles, highlighting its divergence from meanings recorded in dictionaries. Special attention is given to the role of *ятровь* within the system of kinship terms, its semantic connection to the word *brother*, and the androcentric perspective of dynastic relationships. The study reconstructs the dynastic profiles of women referred to as *ятровь*, emphasizing their roles in political and familial conflicts within princely clans. The authors demonstrate that in the chronicles, the term *ятровь* is predominantly applied to princesses who are connected to ruling families through marriage. This terminological specificity reflects gender and social dimensions of kinship, wherein a man consistently serves as the reference point for defining kinship relations. The study

reveals that *ятровъ* in the chronicle tradition exclusively refers to the wives of blood relatives (up to and including third cousins) and does not extend to the wives of *шурья* or other kinsmen. Additionally, the article examines the place of *ятровъ* within the broader system of kinship-related terms in the chronicles, demonstrating the minimal politicization of property-related terminology for women and the absence of a systematic conversion of these terms into consanguinity terminology. The second part of the article focuses on the contextual activation of property terms in the chronicles, using *ятровъ* as a case study in the description of dynastic conflicts. The analysis highlights the degree to which the appearance of the term depends on the political circumstances described in the narrative. Particular attention is given to the unique status of widows within the princely hierarchy and the historical narrative, showing the direct connection between the use of such terms and events like the death of a husband or the violation of kinship norms. The findings of this study provide new insights into the specificity of kinship and property terminology in the oldest Russian chronicles and the role of the lexeme *ятровъ* in the construction of dynastic narratives.

Key words: *yatrov'*, kinship terms, Old Russian genealogy, dynastic conflicts, system of affinal relations, Old Russian chronicles, Rurikids

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-159-180